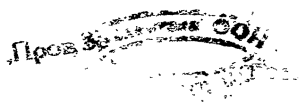
П. КРОПОТКИН.

Справедливость и Нравственность.

Публичная лекция прочитанная в Анкотском братстве и в Лондонском Этическом обществе.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА".
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.
1921.



586
38

Типография „ГОЛОС ТРУДА" Петербург.

Предисловие редакционной комиссии.

Издавая настоящую брошюру П. А. Кропоткина „Справедливость и Нравственность“ редакционная комиссия считает необходимым сказать по этому поводу несколько слов.

Как видно из предисловия к этой брошюре самого Петра Алексеевича, она представляет собою публичную лекцию, прочитанную Петром Алексеевичем первоначально в Манчестере в Анкотском братстве (в 1888 г. или в 1889 г.), а затем повторенную им с небольшими добавлениями в Лондонском Этическом Обществе.

Эта лекция и изложенные в ней идеи являются как бы отправным пунктом всей дальнейшей работы Петра Алексеевича в области этики. С тех пор как была прочитана эта лекция, Петр Алексеевич, наряду с другими своими работами, занимался также и разработкой вопросов нравственности и на эту тему еще в период 1904—1905 гг. им было написано по-английски два очерка The Ethical Need of the Present Day (Современная потребность в Этике) и The Morality of Nature (Нравственность в природе). Оба эти очерка были напечатаны в английском научном ежемесячном журнале Nineteenth Century

(в №№ за август 1904 г. и за март 1905 г).

Состояние здоровья, разные другие неотложные работы, а затем разразившаяся мировая война и события русской революции отвлекли Петра Алексеевича от усиленных занятий вопросами нравственности и только после того, как П. А. поселился летом 1918 г. в гор. Дмитрове, он снова решил отдаться всецело разработке своей теории о происхождении нравственности, ея развитии и значении в жизни человечества.

Разбирая свои материалы по этому вопросу и найдя среди них конспекты Анкотской лекции и текст лекции, прочитанной им в Лондонском этическом обществе, П. А. решил обработать их для печати и издать эту лекцию в виде отдельной брошюры предварительно до опубликования своего большого труда по этике. С этой целью он перевел лекцию с английского языка на русский и написал к ней небольшое предисловие, помеченное „Дмитров, Январь 1920 г.

Работая весь 1920 г. главным образом, над „Этикой“ П. А. в конце 1920 г. т.-е. за несколько месяцев до своей кончины, решил еще раз сделать попытку издать „Справедливость и Нравственность“ и с этой целью снова прочитал рукопись, внес в нее кое-какие поправки и на обложке рукописи сделал пометку:

„в печать", и „окончательно пересмотрел 12—15 декабря 1920 г."

Таким образом, эта брошюра окончательно подготовлена к печати самим Петром Алексеевичем и Редакционная комиссия сочла своим нравственным долгом безотлагательно выполнить волю покойного П. А—ча, и познакомить русских читателей с этим произведением великого революционера и гуманиста тем более, что ввиду крайне неблагоприятных условий для издательства в настоящий момент вряд-ли скоро удастся выпустить в свет первый том последнего большого труда П. А—ча „Нравственность, ея происхождение и развитие", где П. А. подробно излагает и обосновывает свою теорию этики, главные элементы которой он сжато и популярно изложил уже в своей лекции „Справедливость и Нравственность."

„Редакционная Комиссия."

Дмитров, 1 Сентября 1921 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Лекция „Справедливость и нравственность“ была впервые прочитана мною в Анкотском Братстве в Манчестере, перед аудиторией, состоявшей большею частью из рабочих, а также из небольшого числа людей, принимавших участие в рабочем движении. В этом братстве каждый год во время зимы читались, по воскресеньям, содержательные лекции; так что, держась общедоступнаго изложения, перед этими слушателями можно было разбирать самые серьезные вопросы.

Когда именно я читал эту лекцию, я не могу в точности определить. Знаю только, что это было вскоре после того, как известный дарвинист, профессор Гексли,—главный распространитель мыслей Дарвина в Англии,—прочел, в начале 1888-го года, в Оксфордском университете, лекцию, удивившую всех его друзей, так как он доказывал в ней, в противоположность Дарвину, что нравственность в человеке не может иметь естественного происхождения: что природа учит человека только злу.

Лекция Гексли, напечатанная в журнале „Nineteenth Century“ в февральском номере

1888-го года, и вскоре затем появившаяся брошюрой, вызвала всеобщее удивление, и произведенное ею впечатление еще не улеглось, когда я готовил свою лекцию о природном происхождении нравственности.

Года два или три спустя, я прочел ту же лекцию в Лондонском Этическом обществе, слегка дополнив ее в той части, где я говорил о справедливости.

Так как у меня сохранились написанные по английски подробные конспекты, а частями и самый текст Анкотской лекции, а также и дополнения к ней для Этическаго общества, то я написал ее по русски, и теперь издаю этот текст. За последние тридцать лет я все время хотя и с перерывами, возвращался к учениям о нравственности, и теперь мог бы сильно развить некоторые из высказанных здесь взглядов, но я решил сохранить лекцию в том виде, как она была приготовлена для Анкотской аудитории, и только дополнил ее тем, что было написано для лекции в Этическом обществе.

П. К.

Дмитров

Январь 1920 г.

Справедливость и нравственность.

Справедливость и нравственность.

Друзья и товарищи!

Взявши предметом нашей беседы Справедливость и Нравственность, я конечно не имел ввиду прочесть вам нравственную проповедь. Моя цель—совершенно иная. Мне хотелось бы разобрать перед вами, как начинают понимать теперь происхождение нравственных понятий в человечестве, их истинные основы, их постепенный рост и указать, что может содействовать их дальнейшему развитию.

Такой разбор особенно нужен теперь. Вы наверное сами чувствуете, что мы переживаем время, когда требуется что то новое в устройстве общественных отношений. Быстрое развитие, умственное и промышленное, совершившееся за последние годы среди передовых народов, делает разрешение важных социальных вопросов неотложным. Чувствуется потребность в перестройке жизни на новых, более справедливых началах. А если в обществе назревает такая потребность, то можно принять за правило, что неизбежно придется пересмотреть также и основные понятия нравственности.

Иначе быть не может, так как общественный строй, существующий в данное время—его учреждения, его нравы и обычаи—поддерживают в обществе свой собственный склад нравственности. И всякое существенное изменение в отношениях между различными слоями общества ведет за собою соответствующее изменение в ходячих нравственных понятиях.

Присмотритесь, в самом деле, к жизни народов, стоящих на различных ступенях развития. Возьмите, например, теперешних кочевых народов: монголов, тунгусов и тех, кого мы называем дикарями. У них считалось бы постыдным зарезать барана и есть его мясо, не пригласивши всех обитателей поселка принять участие в трапезе. Я знаю это по личному опыту, вынесенному из странствований по глухим местам Сибири, в Саянском хребте. Или возьмите самых бедных дикарей южной Африки, готтентотов. Не так давно у них считалось преступным если кто-нибудь из них начал бы есть свою пищу в лесу, громко не прокричавши трижды: „нет ли кого, желающаго разделить со мною трапезу". Даже среди самых низко стоящих дикарей Патагонии, Дарвина поразила таже черта: малейший кусок пищи, который он давал одному из них, сейчас же распределялся поровну между всеми присутствовавшими. Мало того, во всей северной и средней Азии, среди кочевников

в силу их обычаев, почитаемых как закон,— если бы кто нибудь отказал путешественнику в убежище и путник после этого погиб от холода или голода, то род умершаго имел бы право преследовать отказавшаго в убежище, как убийцу, и требовать от него или от его рода пеню („виру"), установленную обычаем за убийство.

Такие и другие понятия о нравственном сложились при родовом строе жизни. У нас же эти обычаи исчезли, с тех пор как мы стали жить государствами. В наших городах и селах урядник или полицейский обязан позаботится о бездомном страннике и свести его в участок, в острог или в рабочий дом, если он рискует замерзнуть на улице. Любой из нас *может*, конечно, приютить прохожаго: это не воспрещается, но никто не считает себя *обязанным* это сделать. И, если в глухую зимнюю ночь бездомный прохожий умрет от голода и холода на одной из улиц Анкотса, никому из его родственников не придет в голову преследовать вас за убийство. Мало того, у прохожаго может даже не оказаться родственников,—чего при родовом быте не может случиться, так как весь род составляет его семью.

Заметьте, что я не делаю здесь сравнения между преимуществами родовоге быта и государственнаго. Я только хочу показать, как нравственные понятия людей меняются, смотря по

общественному строю, среди котораго они живут. Общественный строй даннаго народа, в данное время, и его нравственность тесно связаны между собою.

Вот почему, всякий раз, когда в обществе чувствуется необходимость перестроить существующие отношения между людьми, неизбежно начинается также оживленное обсуждение нравственных вопросов. И в самом деле, было бы крайне легкомысленно говорить о перестройке общественнаго строя не задумываясь, вместе с тем, над пересмотром ходячих нравственных понятий.

В сущности, в основе всех наших рассуждений о политических и хозяйственных вопросах лежали вопросы нравственные. Возьмите, например, ученаго экономиста, рассуждающаго о коммунизме. „В коммунистическом обществе", говорит он „никто не будет работать, потому что никто не будет чувствовать над собой угрозы голода." — „Почему же нет?" отвечает коммунист; "разве люди не поймут, что наступит общий голод, если они перестанут работать. Все будет зависеть от того, какой коммунизм будут вводить." — Посмотрите, в самом деле, сколько городского коммунизма уже введено в жизни городов Европы и Соединенных Штатов, ввиде мощения и освещения улиц, трамваев, городских училищ и т. д.

Вы видите, стало быть, как вопрос чисто хозяйственный сводится к суждениям о нрав-

ственной природе человека. Спрашивается, способен ли человек жить в коммунистическом строе? Из области хозяйства вопрос переносится в область нравственную.

Или возьмите двух политических деятелей, рассуждающих о каком-нибудь новшестве в общественной жизни, например об учении анархистов или хотя бы даже о переходе к конституционному правлению в самодержавном государстве.

—„Помилуйте“—, говорит защитник установленной власти,—все начнут разбойничать, если не будет сильной руки, чтобы надеть на них узду“. „Так что и вы, должен я заключить,“ отвечает ему другой, „тоже стали бы разбойником, если бы не боязнь тюрьмы?“.. И, тут следовательно, вопрос о политическом устройстве общества свелся на вопрос о влиянии существующих учреждений на нравственный облик человека.

Вот почему теперь пробуждается такой живой интерес к вопросам нравственным и почему я решился потолковать с вами об этике, т. е. об основах и происхождении нравственных понятий в человеке.

За последнее время появилось не мало работ по этому чрезвычайно важному вопросу. Но из них я подробно остановлюсь только на одной,—а именно на лекции, недавно прочитанной известным профессором дарвинистом Гексли

(Huxley) в Оксфордском университете, на тему: „Эволюция и нравственность". Познакомившись с нею, можно многому научиться, так как Гексли в своей лекции разобрал достаточно полно вопрос о происхождении нравственного.[1])

Лекция Гексли была принята печатью, как своего рода манифест дарвинистов и как сводка того, что современная наука может сказать об основах нравственности и их происхождении,— вопрос, над которым работали почти все мыслители, со времен древней Греции вплоть до нашего поколения.

Особое значение придавало этой лекции не только то, что она выражала мнение известного ученого и одного из главных истолкователей дарвиновой теории развития (эволюции), причем автор придал своей лекции такую прекрасную литературную форму, что об ней отозвались, как об одном из лучших произведений британской прозы. Главное ее значение было в том, что она к сожалению, выражала мысли, так широко распространенные теперь среди образованных классов,

[1]) Лекция Гексли появилась тотчас же по прочтении ее в журнале "Nineteenth Century в феврале 1888 г и несколько месяцев спустя она вышла с длинными примечаниями, как брошюра Она также помещена в книге Гексли Collected Essays, где к ней прибавлено вступление (prolegomena) и в его же Essays: "Ethical and Political" в дешевом издании Mac Millan'a в 1903 г. В русском переводе она появляется в Русской Мысли 1893-го года, к сожалению однако, без вышеупомянутых примечаний.

что их можно назвать религией большинства этих классов.

Руководящая мысль Гексли, к которой он постоянно возвращался в своей лекции, была следующая: В мире, говорил он, совершается два разряда явлений, происходят два процесса: космический процесс природы и этический, т. е. нравственный процесс, проявляющийся только в человеке с известного момента его развития.

„Космический процесс"—это вся жизнь природы, неодушевленной и одушевленной, включающей растения, животных и человека. Этот процесс—утверждал Гексли—ничто иное, как „кровавая схватка зубами и когтями". Это отчаянная борьба за существование, отрицающая всякие нравственные начала".—„Страдание есть удел всей семьи одаренных чувствами существ,"—оно составляет существенную часть космического процесса". Методы борьбы за существование, свойственные тигру и обезьяне, суть подлинные, характерные черты этого процесса. Даже в человечестве—„самоутверждение, бессовестный захват всего, что можно захватить, упорное держание всего того, что можно присвоить, составляющее квинт-эссенцию борьбы за существование, оказались самыми подходящими способами борьбы.

Урок, получаемый нами, от природы, есть, следовательно, „урок органического зла". Природу даже нельзя назвать а—моральной, т. е.

не знающей нравственности и не дающей никакого ответа на нравственные вопросы. Она определенно безнравственна. „Космическая природа вовсе не школа нравственности, напротив того, она—главная штаб-квартира врага всякой нравственности“ (стр. 27 первого издания лекции особой брошюрой). А потому, из природы ни в каком случае нельзя почерпнуть указания, „отчего то, что мы называем хорошим, следует предпочесть тому, что мы называем злом“ (стр. 31).—„Выполнение того, что с нравственной точки зрения является лучшим,—того, что мы называем добром или добродетельным,—вынуждает нас к линии поведения во всех отношениях противной той линии поведения, которая ведет к успеху в космической борьбе за существование“ (стр. 33). Таков, по мнению Гексли, единственный урок, который человек может почерпнуть из жизни природы.

Но вот, вслед за тем, совершенно неожиданно,—едва только люди соединились в организованные общества,—у них появляется неизвестно откуда „этический процесс“, безусловно противоположный всему тому, чему их учила природа. Цель этого процесса—не выживание тех, кто может считаться наиболее приспособленными с точки зрения всех существующих условий, но тех, кто является „лучшими с нравственной точки зрения“ (стр. 33). Этот новый процесс

неизвестного происхождения, но явившийся во всяком случае не из природы„—„начал затем развиваться путем закона и обычаев (стр. 35). Он поддерживается нашей цивилизацией, из него вырабатывается наша нравственность.

—Но откуда же зародился этот нравственный процесс?

Повторять вслед за Гоббсом,[1]) что нравственные начала в человеке внушены законодателями, значило бы не давать никакого ответа, так как Гексли определенно утверждает, что законодатели не могли заимствовать таких мыслей из наблюдения природы: „этического процесса не было ни в до-человеческих животных обществах, ни у первобытных людей. Из чего следует,—если только Гексли прав,—что этический процесс, т. е. нравственное начало в человеке никоим образом не могло иметь естественного происхождения. Единственным возможным об'яснением его появления остается следовательно происхождение сверх-естественное Если нравственные привычки—доброжелательность дружба, взаимная поддержка, личная сдержанность в порывах и страстях и самопожертвование—никак не могли развиться из до-человечес-

[1]) Гоббс был английский мыслитель крайнего консервативного лагеря, писавший вскоре после английской революции 1639-1648 гг

кого или из первобытного человеческого, стадного быта, то остается конечно одно: об'яснять их происхождение сверх-природным, божественным внушением.

Такой вывод дарвиниста, естественника Гексли поразил, конечно, всех знавших его, как а гностика, т. е. неверующего. Но такой вывод был неизбежен, Раз Гексли утверждал, что из жизни природы человек не мог ни в каком случае почерпнуть урока нравственного, то оставалось одно: признать сверх природное происхождение нравственности. А потому Джордж Миварт, преданный католик и в то же время известный ученый, естествоиспытатель, немедленно после появления лекции Гексли в Ninéteenth Century поместил в том же журнале статью под заглавием „Эволюция господина Гексли", в которой поздравлял автора лекции с возвращением к учениям церкви.

Миварт был совершенно прав. Действительно одно из двух: или прав Гексли, утверждавший, что „этического процесса" нет в природе, или же прав был Дарвин, когда во втором своем основном труде „Происхождение человека" он признал вслед за великим Бэконом и Огюстом Контом, что у стадно-живущих животных вследствие их стадной жизни так сильно развивается общественный инстинкт, что он становится самым постоянно присущим им инстин-

ктом, до того сильным, что он берет даже верх над инстинктом самосохранения [1]) А так как Дарвин показал затем, вслед за Шафтсбэри [2]), что этот инстинкт одинаково силен и в первобытном человеке, у которого он все больше развивался благодаря дару слова, преданию и создававшимся обычаям, то ясно, что если эта точка зрения верна, тогда нравственное начало в человеке есть ничто иное как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе.

В человеке, с развитием разума, знаний и соответственных обычаев, этот инстинкт все более и более развивался; а затем дар речи и впоследствии искусство и письменность должны были сильно помочь человеку накоплять житейскую опытность и все дальше развивать обычаи взаимопомощи и солидарности, т. е. взаимной зависимости всех членов общества. Таким образом становится понятным откуда в человеке появилось

---

[1]) Инстинктом принято называть привычки до того утвердившиеся в животном или в человеке, что эти привычки наследуются. Так, например, цыплята, вылупляющиеся из яиц при искусственном их высиживании в тепле, без матки, как только вылупятся из скорлупы, начинают рыть лапками землю как все куры и петухи.

[2]) Английский мыслитель писавший о сущности нравственности, род. в 1671 г. ум. в 1713 г.

чувство долга, которому Кант посвятил чудные строки но, пробившись над этим вопросом несколько лет, не мог найти ему естественного об'яснения.

Так об'ясния нравственное чувство Дарвин— человек близко знакомый с природой. Но конечно если, изучая мир животных лишь по образцам их в музеях, мы закроем глаза на истинную жизнь природы и опишем ее согласно нашему мрачному настроению, тогда нам действительно, останется одно: искать об'яснения нравственного чувства в каких-нибудь таинственных силах.

В такое положение действительно поставил себя Гексли. Но—как это ни странно—уже через несколько недель после прочтения своей лекции, издавая ее брошюрой, он прибавил к ней ряд примечаний, из которых одно совершенно уничтожило всю ее основную мысль о двух „процессах" природном и нравственном, противоположных друг другу. В этом примечании он признал, что во взаимной помощи, которая практикуется в животных обществах, уже можно наблюдать в природе начало того самого „этического процесса", которого присутствие он так страстно отрицал в своей лекции.

Каким путем пришел Гексли к тому, чтобы сделать такое прибавление, безусловно

опровергавшее самую сущность того, что он проповедывал за несколько недель перед тем,— мы не знаем. Можно предполагать только, что это было сделано под влиянием его личного друга, оксфордского профессора Романеса, который, как известно, приготовлял в это время материал для работы по нравственности животных и под председательством которого Гексли прочел свою „Романесовскую“ лекцию в Оксфордском университете. Возможно также, что в том же направлении мог повлиять кто-нибудь другой из его друзей. Но разбираться в причинах такого поразительного перелома я не стану. Когда-нибудь это разберут, может быть, биографы Гексли.

Для нас же важно отметить следующее: всякий, кто возьмет на себя труд серьезно заняться вопросом о зачатках нравственного в природе, увидит, что среди животных, живущих общественной жизнью, —а таковых громаднейшее большинство—жизнь обществами привела их к необходимости, к развитию известных инстинктов, т. е. наследуемых привычек, нравственного характера.

Без таких привычек жизнь обществом была бы невозможна. Поэтому мы находим в обществах птиц и высших млекопитающих (не говорю уже о муравьях, осах и пчелах, стоящих по своему развитию во главе класса насекомых) первые зачатки нравственных понятий. Мы нахо-

дим у них привычку жить обществами, ставшую для них необходимостью, и другую привычку: не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе. Очень часто мы видим у них также и самопожертвование в интересах своего общества.

В стае попугаев, если молодой попугай утащит сучек из гнезда другого попугая, то другие нападают на него. Если ласточка, по возвращении весною из Африки в наши края, берет себе гнездо, которое не принадлежало ей в течение прежних лет, то другие ласточки той же местности выбрасывают ее из гнезда. Если одна стая пеликанов вторгается в район рыбной ловли другой стаи, ее прогоняют, и так далее. Подобных фактов, удостоверенных еще в прошлом веке великими основателями описательной зоологии, а потом и многими современными наблюдателями, можно представить любое количество. Не знают их только те зоологи, которые никогда не работали в вольной природе. [1])

Поэтому можно сказать вполне утвердительно, что нравы общительности и взаимной поддержки вырабатывались еще в животном мире и что первобытный человек уже прекрасно знал эту черту жизни животных, как это видно из

[1]) См. об этом мою книгу „Взаимная помощь, как деятельная сила развития", где указаны также источники.

преданий и верований самых первобытных народов [1]). Теперь же, изучая уцелевшие еще первобытные человеческие общества, мы находим, что в них продолжают развиваться те же нравы общительности. Мало того, по мере изучения, мы открываем у них целый ряд обычаев и нравов, обуздывающих своеволие личности и устанавливающих начало равноправия.

В сущности, равноправие составляет самую основу родового быта. Например, если кто-нибудь в драке пролил кровь другого члена своего рода, то его кровь должна быть пролита в том же самом количестве. Если он ранил кого нибудь в своем или чужом роде, то любой из родственников раненого имеет право и даже обязан нанести обидчику или любому из его сородичей, рану точно такого же размера. Библейское правило—„Око за око, зуб за зуб, рана за рану и жизнь за жизнь, но не больше"—остается правилом свято соблюдаемым до сих пор у всех народов, живущих еще в родовом быте. Глаз за зуб или смертельная рана за поверхностную шли бы в разрез с ходячим представлением о равноправии и справедливости. Заметьте также, что это понятие так глубоко внедрено в сознание

[1]) Этому вопросу о заимствовании первобытным человеком нравственных правил у животных я посвятил несколько страниц в статье „Нравственность в природе" в журнале „Nineteenth Century". Март 1905 г.

многих первобытных племен, что если охотник пролил кровь какого-нибудь по их мнению, человекоподобного существа, как например медведя, то по возвращении охотника домой немного его крови проливается его сородичами во имя справедливости к медвежьему роду. Много таких обычаев осталось ввиде пережитков от старых времен, даже в цивилизованных обществах, рядом с высокими нравственными правилами [1]). Но в том же родовом быту мало по малу развивается и другое понятие. Человек, нанесший обиду уже обязан искать примирения, и его сородичи обязаны выступить примирителями.

Если ближе рассмотреть эти первобытные представления о справедливости, т. е. о равноправии, мы увидим, что в конце концов они выражают ничто иное, как обязанность никогда не обращаться с человеком своего рода так, как не желаешь, чтобы обращались с тобой, т. е. именно то, что составляет первое основное начало всей нравственности и всей науки о нравственном, т. е. этики.

[1]) Конечно, с самых ранних времен уже в родовом быте начинают появляться обычаи, нарушающие равноправие Знахарь-шаман, прорицатель и военный начальник приобретают в роде такое влияние, что мало-по-малу (особенно путем тайных обществ) создаются к л а с с ы волхвов, жрецов, шаманов, воителей, приобрётающие особое привеллегированое положение в роде. Затем, по мере того, как начали создаваться в роде о с о б ы е с е м ь и, где жена добывалась пленением из другого рода во время междуродовых войн

Но этого мало. Среди самых первобытных представителей человечества мы уже находим и более высокое начало. Так, например, мы можем взять нравственные правила алеутов, которые представляют ветвь одного из самых первобытных племен, эскимосов. Они хорошо известны нам, благодаря работе замечательного человека, миссионера Вениаминова [1]), и мы можем считать эти правила образцом нравственных понятий человека во времена после ледникового периода; тем более, что подобные же правила мы находим и у других таких же первобытных дикарей. Между тем в этих правилах уже есть нечто, выходящее за пределы простой справедливости.

Действительно у алеутов имеются два рода правил: обязательные предписанья и простые советы. Первый разряд, как и те правила, о которых я упоминал в начале этой лекции,

---

а впоследствие „умыканьем“, т. е. похищеннем, по мере развития этого нового учреждения, в роде создавалось неравенство, дававшее отдельным семьям уже не случайное а постоянное превосходство над другими. Но и тут все время род употреблял и употребляет до сих пор всякия усилия, чтобы ограничить неравенство; и мы видим, например, у норманнов, что военный предводитель (король), убивший своего дружинника, подвергался тому же наказанию, что и простой дружинник, т. е. он должен был выпрашивать себе прощение у семьи убитого; и если она прощала его, то он уплачивал обычную виру. (Подробнее о таких обычаях см. в моем труде „Взаимная помощь“).

[1]) Впоследствие митрополита московского Иннокентия.

основан на начале равного со всеми обращения, т. е. справедливости-равноправия. Сюда принадлежат такие требования: ни под каким предлогом не убивать и не ранить члена своего рода; обязанность всячески помогать своему сородичу в нужде и делить с ним последний кусок пищи; защищать его от всяких нападений, относиться с уважением к богам своего рода и т. д. Эти правила даже не считается нужным напоминать; они составляют основу родовой жизни.

Но рядом с этими строгими законами существуют у алеутов и эскимосов известные нравственные понятия, которые не предписываются, а только советуются. Они не выражаются формулой: „следует делать то-то"; греческая формула „дэн", т. е. это должно быть сделано, так-же не подходит сюда. В этот разряд входят советы и алеут говорит: „стыдно не делать то-то и то-то".

Стыдно, например, не быть достаточно сильным и ослабеть во время экспедиции, когда все члены ее более или менее голодают.

Стыдно бояться выходить в море при сильном ветре, или опрокинуться в лодке в гавани; другими словами, стыдно быть трусом, а также не быть ловким и не уметь бороться с бурей.

Стыдно, будучи на охоте с товарищем не предложить ему лучшую часть добычи; другими словами, выказать жадность.

Стыдно ласкать свою жену в присутствии посторонних; и очень стыдно, при обмене товарами, самому назначать цену своему товару. Честный продавец соглашается с ценой, которую предлагает покупатель, таково, по крайней мере, было общее правило не только среди алеутов в Аляске и чукчей в северо-восточной Сибири, но также и среди большинства туземцев на островах Великого океана.

Что алеуты хотят сказать словами: „стыдно не быть сильным, ловким, щедрым, как другие“ — совершенно ясно. Они хотят сказать: „стыдно быть слабым, т. е. не быть умственно и физически равным большинству других“. Другими словами они осуждают тех, кто не отвечает принципу желательного равенства или по крайней мере желательной равноценности всех мужчин данного племени.—„Не выказывай слабости, которая потребует для тебя снисхождения“.

Те же желанья выражаются и в песнях, которые эскимосские женщины каждого маленького поселения поют в долгие северные ночи, высмеивая мужчину, не сумевшего показать себя на должной высоте в вышеописанных случаях, или же пришедшего в ярость без достаточного к тому повода и вообще выказавшего себя неуживчивым или смешным с какой-либо стороны [1]).

[1]) См. об этом отчет датской экспедиции, зимовавшей на восточном берегу Гренландии в 1886-ом году в труде доктора Ранке об эскимосах.

Таким образом мы видим, что в прибавку к простым принципам справедливости, которые суть ничто иное. как выраженье равенства или равноправия; алеуты выставляют еще известные пожеланья, известные идеалы. Они выражают желанье, чтобы все члены рода стремились быть равными сильнейшему из них, умнейшему, наименее сварливому, наиболее щедрому. И эти линии поведенья, которые еще не возводятся в правило, представляют уже нечто, стоящее выше простого равноправия. Они обнаруживают стремление к нравственному совершенствованию. И эту черту мы встречаем безусловно у всех первобытных народов. Они знают, что у общительных животных более сильные самцы бросаются на защиту своих самок и детенышей, нередко жертвуя собой; и они восхваляют в своих сказках и песнях тех из своей среды, кто в борьбе с природой или с врагами также защищал своих, нередко погибая в этом подвиге, Они слагают целые циклы песен про тех, кто проявлял избыток сил—в мужестве, в любви, в ловкости, в находчивости, в точности движений, отдавая их для блага других и не спрашивая, что сам он получить взамен.

Таким образом ясно, что „этический процесс", о котором говорит Гексли, начавшись уже в животном мире, перешел к человеку; и здесь благодаря преданию, поэзии и искусству, он

все более и более развивался и достигал самых высоких ступеней в отдельных „героях“ человечества и у некоторых из его учителей. Готовность отдать свою жизнь на пользу своих собратий воспевалась в поэзии всех народов, а впоследствии перешла в религии древности. Она же с прибавкою прощенья врагам вместо обязательной некогда родовой мести стала основою буддизма и христианства и более всего содействовала успеху христианства, пока оно не стало государственной религией и не отказалось от этого основного своего положения, отличавшего его от других религий.

Так развивались нравственные понятия в природе вообще и затем в человечестве.

Я очень хотел бы дать вам теперь краткий очерк их дальнейшего развития в писаньях мыслителей древности вплоть до нашего времени. Но от этого на сегодня я должен отказаться, так как в одной лекции не успел бы этого сделать. Укажу только на то, что вплоть до 19-го века естественно-научное об'яснение нравственного в человеке оставалось невозможным, хотя к нему подходил уже Спиноза и совсем определенно говорил уже Бэкон. Зато теперь мы имеем хорошо проверенные данные, чтобы убедиться, что нравственные понятия глубоко связаны с самим существованием живых существ, без них они не выжили бы в борьбе за суще-

ствование; что развитие таких понятий было также неизбежно, как и все прогрессивное развитие или эволюция от простейших организмов вплоть до человека; и что это развитие не могло бы совершиться, если бы у большинства животных не было уже зачатков стадности, общежительности и даже, в случае надобности, самоотверженности.

Данных в доказательство этого утверждения мы теперь имеем очень много. Так, например, Дарвин в очерке происхождения нравственности, в книге „Происхождение человека“, [1]) привел описание известным натуралистом Бремом схватки двух собак его каравана со стадом обезьян павианов в Египте. [2]) Обезьяны, при приближении каравана, поднимались по скалистому скату горы в верхнюю ее часть, но старые самцы, когда увидали собак, хотя они уже были в скалах вне опасности, спустились вниз сомкнутой группой и с такой свирепостью шли на собак, что они, испуганные, вернулись к своим хозяевам. Не сразу удалось снова натравить их на обезьян, и они напали тогда на молоденькую, полугодовалую обезьянку, которая отстала от своих и засела в скале. Тогда старый самец в одиночку, медленным шагом, спу-

[1]) Есть русский перевод.

[2]) А. Брем „Жизнь животных“ 2-ое полное издание Черкесова, в четырех томах, 1875, т. I стр. 75.

стился к обезьянке, отпугнул собак, погладил детеныша по спине и не спеша вернулся с ним к своему стаду.

Старые самцы не спрашивали себя в данном случае, во имя какого принципа или веления они должны были так поступить. Они шли спасать своих в силу симпатии, по чувству стадности, общительности, выработанному тысячелетиями у всех стадных животных, и наконец в силу сознания своей собственной силы и своего мужества.

Другой случай был описан таким же надежным естествоиспытателем, Сэнтсбери. Он нашел однажды старого слепого пеликана, которого прилетали кормить другие пеликаны, принося ему рыбу, и Дарвин подтвердил этот факт. Но фактов самопожертвования животных на пользу своего рода известно теперь так много—у муравьев, среди альпийских коз, у лошадей в степях, у всех птиц и т. д.; их так много дали наши лучшие естествоиспытатели, что в изучении природы мы находим теперь наконец твердую основу для своих суждений о появлении и развитии нравственных чувств и понятий.

При этом мы легко различаем три основных элемента, три составные части нравственности; сперва—инстинкт общительности, из которого развиваются дальнейшие привычки и нравы;

затем понятие о справедливости; и на почве этих двух развивается третий элемент нравственного —чувство, которое мы называем не совсем правильно самоотвержением или же самопожертвованием, альтруизмом, великодушием, чувство, подтверждаемое разумом, которое составляет в сущности именно то, что следовало бы называть нравственным чувством. Из этих трех элементов, совершенно естественно развивающихся во всяком человеческом обществе, слагается нравственность.

Когда муравьи помогают друг другу спасать свои личинки из разоряемого человеком гнезда; когда маленькие птицы слетаются, чтобы отогнать появившегося хищника; когда перелетные птицы в продолжение нескольких дней перед отлетом слетаются вечером в определенные места и делают учебные полеты; когда многие тысячи коз или оленей собираются с огромного пространства, чтобы вместе переселяться; словом, когда у животных проявляются в их обществах нравы и обычаи, помогающие им выживать в борьбе с природой, даже в невыгодных условиях,—во всем этом обнаруживается необходимо, неизбежно развившийся инстинкт, без которого данный вид животных несомненно должен был бы вымереть. Общительность была и есть необходимая основная форма борьбы за существование, и именно этот закон природы проглядело

большинство дарвинистов,—вероятно потому, что сам Дарвин недостаточно обратил на него внимание в своем первом труде: „Происхождение видов“ и заговорил о нем только во втором своем основном труде: „Происхождение человека“. Между тем в этом инстинкте мы имеем **первое начало нравственности**, из которого впоследствие развились у человека все его самые высокие чувства и порывы.

Среди людей, благодаря их жизни обществами, инстинкт общительности продолжал все более и более развиваться. Живя среди природы, самые первобытные дикари видели, что в борьбе с нею лучше выживают те животные, которые живут дружными обществами; они понимали, насколько общественная жизнь облегчала этим животным борьбу с мачехой-природой. А затем их наблюдения слагались в предания,—ввиде пословиц, сказок, песен, религий и даже обожанья некоторых общительных животных. И таким образом инстинкт общительности передавался из рода в род, и закреплялся в нравах.

Но одного инстинкта общительности все-таки было бы недостаточно чтобы выработать правила родового быта, о которых я говорил в начале нашей беседы. И действительно, у первобытного человека развивалось мало-по-малу новое понятие,—более сознательное и более высокое: **понятие о справедливости**, и для даль-

нейшей выработки нравственности это понятие стало основным, необходимым.

Когда мы говорим: „не делай другим того, чего не желаешь себе“ мы требуем справедливости, которой сущность есть признание равноценности всех членов данного общества, а следовательно их равноправия, их равенства в требованиях, которые они могут предъявлять другим членам общества. Вместе с тем оно содержит и отказ от претензии ставить себя выше или „опричь“ других.

Без такого уравнительного понятия не могло бы быть нравственности. Во французском и английском языках Справедливость и Равенство выражаются даже словами одного происхождения: équité и egalite, equity и équality. Но откуда и когда явилось это понятие?.

В зачатке оно проявляется уже у стадных животных. У некоторых из них заметно, правда, преобладание самца. Но у других этого нет. Наоборот, у большинства из них сильно развиты игры молодежи (как мы знаем теперь из книги Карла Гросса, „Игры животных“), и в этих играх всегда требуется строгое соблюдение равноправия, как в этом мы сами можем убедиться, наблюдая игры молодых козлят и других животных. Тоже самое видно у молодых сосунов, которые не позволяют одному из своего числа пользоваться больше других вниманьем матери.

Чувство справедливости наблюдается также, как мы видели у перелетных птиц, когда они возвращаются к своим прошлогодним гнездам. И таких примеров можно привести множество.

Тем более развито понятие о справедливости у людей,—даже у самых первобытных дикарей, пока у них еще не завелись местные царьки. Два-три примера я уже привел, а теперь прибавлю только, что с тех пор как ученые стали изучать родовой быт, и более не смешивают его с первобытными монархиями, вроде тех, что мы находим теперь в средней Африке, можно наполнить целые книги фактами равноправия у первобытных племен.

Мне может быть возразят, что у самых первобытных народов уже бывают, однако, военные, вожди, а также колдуны и шаманы, пользующиеся некоторой властью. Действительно, стремление завладеть особыми правами проявляется очень рано в людских обществах; и история, преподающаяся в школах (с целью возвеличенья „властей предержащих“) любовно останавливается именно на таких фактах; так что школьную историю можно назвать рассказом о том, как создавалось неравноправие. Но в то же время люди везде упорно боролись против нарождавшегося неравенства в правах; так что истинная история была бы рассказом о том, как отдельные люди стремились создать сосло-

вия, стоящие выше общего уровня, и как массы сопротивлялись этому и отстаивали равноправие. Все учреждения родового быта имели целью установить равноправие. Но к сожалению об этой стороне быта историки мало знают, потому что вплоть до второй половины 19-го века, когда начали создаваться две новые науки, о человеке и о формах людского быта,—Антропология и Этнология,—на первобытные учреждения людей очень мало обращали внимание,

Теперь же, когда собрана масса фактов об этом быте, мы видим, что основное понятие о справедливости встречается уже у самых первобытных людей и становится правилом самого первобытного общественного строя—родового.

Но этого мало. Мы уже можем идти дальше и я решаюсь поставить в науке такой вопрос: „Не имеет ли Справедливость своего основания в самой природе человека? И, если так, то не представляет ли она основного физиологического свойства нашего мышления?“.

Говоря языком метафизики, можно спросить не представляет ли понятие о справедливости основной „категории“, т. е. основной способности нашего ума. Или же, говоря языком естественных наук,—склонность нашего ума искать „равноправия“ не представляет ли одно из следствий строения нашего мыслительного аппарата,—в данном случае может быть след-

ствие дву-стороннего или дву-полушарного строения нашего мозга.—На этот вопрос, когда им займутся, ответ получится, я думаю, утвердительный.

Тот факт, что наше мышление постоянно совершается в форме, известной в математике, как уравнение и что именно в этой форме выражаются открываемые нами физические законы уже придает предлагаемому мною об'яснению известную долю вероятия. Известно также, что раньше, чем мы приходим к какому-нибудь заключению, в нашем уме происходит род разговора, где приводятся доводы за и против, и некоторые физиологи видят в этом проявление—если не двусимметричности строения нашего мозга, то во всяком случае его сложного состава [1]).

Во всяком случае, верно ли мое предположение о физиологическом понятии о справедливости, или нет, это вопрос побочный. Важно то, что справедливость составляет основное понятие в нравственности, так как не может быть нравственности без равного отношения ко всем, т. е. без справедливости. И если до сих пор царит такое поразительное разногласие в мнениях мыслителей, писавших об этике, то причина его

[1]) Прибавлю, что приблизительно к такой же гипотезе пришел, как я узнал впоследствии, известный мыслитель позитивист Литтрэ, в одной статье о нравственности, помещенной в его журнале „Philosophie Fositive"

именно в том, что большинство этих мыслителей не хотело признать справедливость первоосновою нравственности. Такое признание было бы признанием политического и общественного равноправия людей и следовательно вело бы к отрицанию классовых подразделений. Но именно с этим большинство писавших о нравственности не хотело примириться.

Начиная с Платона, удержавшего рабство в своем очерке желательного общественного строя, продолжая апостолом Павлом и кончая многими писателями 18-го и 19-го века, все они, если не защищали неравенство, то во всяком случае не отрицали его, даже после того, как французская Революция написала на своем знамени Равенство и Братство наравне со Свободой. Годвин (Godvin) в Англии и Прудон во Франции, признавшие Справедливость краеугольным камнем нравственного общественного строя до сих пор занимают исключительное положение [1]).

Однако, Справедливость еще не представляет всей нравственности Так как она есть ничто иное, как равенство в обмене услугами, то в этом отношении она немногим отличается от коммерческого дебета и кредита. Что она

---

[1]) Книге Godvin'a „Political justice" 2 тома вышла в 1792 и 1793 годах (во втором издании сделаны цензурные сокращения) Proudhon „De la justice dans la Révolution et dans l'eglise" вышла в 1858—1859 годах.

имеет решающее значение в построении нравственности, —в этом нет сомнения. А потому, когда понятие о Справедливости с его неизбежным выводом равноправия, станет основою общественного строя, то этим уже совершится глубочайший переворот во всей жизни человечества. Не даром народное движение, начавшееся в Иудеи во времена Юлия Кесаря и вылившееся в христианство, а затем народные движения в начале Реформации и наконец Великая Французская Революция, все три стремились к Равноправию и Равенству.

Открытое провозглашение законодательством равноправия всех членов общества произошло, однако, лишь в конце 18-го века, во французской Революции. Но даже теперь мы еще очень далеки от воплощенья начала равенства в общественной жизни. До сих пор образованные народы разделены на классы, лежащие слоями друг на друге. Вспомните только о рабстве, продержавшемся в России до 1861 года, а в Северной Америке до 1864 года. Вспомните о крепостном праве, продержавшемся в Англии, по отношению к шахтерам вплоть до 1797-го года и о детях бедноты, называвшихся в Англии „учениками из рабочих домов„. („workhouse apprentices“), которых вплоть до конца 18-го века забирали особые агенты, ездившие по всей Англии, и которых свозили в Ланкашир работать за без-

ценок на хлопчато-бумажных фабриках [1]). Вспомните, наконец, о гнусном обращении, даже теперь, якобы образованных народов с теми, кого они зовут „низшими расами".

Первый шаг, предстоящий человечеству, чтобы двинуться вперед в его нравственном развитии, было бы следовательно признание справедливости, т. е. равенства по отношению ко всем человеческим существам.

Без этого, общественная нравственность останется тем, что она представляет теперь, т. е. лицемерием. И это лицемерие будет поддерживать ту двойственность, которою пропитана современная личная нравственность.

Но Общительность и Справедливость все-таки еще не составляют всей нравственности. В нее входит еще третья составная часть, которую можно назвать за неимением более подходящего выражения, готовностью к самопожертвованию, Великодушием.

Позитивисты называют это чувство Альтруизмом, т. е. способностью действовать на пользу другим, в противоположность Эгоизму, т. е. Себялюбию. Они избегают этим христианского понятия о любви к ближнему и избе-

[1]) Так называли детей тех бедных, которые после долгих лет борьбы с нищетой шли в работные дома, т е в сущности в тюрьмы с принудительной работой; у них отбирали малолетних детей и отдавали их фабрикантам для работы на фабриках.

гают потому, что слова „любовь к ближнему“ неверно выражают чувство, двигающее человеком, когда он жертвует своими непосредственными выгодами на пользу другим. Действительно, в большинстве случаев человек, поступающий так, не думает о жертве и сплошь да рядом не питает к этим „другим“ никакой особой любви. В большинстве случаев он их даже не знает. Но и слово „альтруизм“, так же как и слово „самопожертвование“ неверно выражает характер такого рода поступков, так как они бывают хороши только тогда, когда они становятся естественными, когда совершаются не в силу принужденья свыше или же обещанья награды в этой или будущей жизни; не из соображений общественной полезности таких поступков, или об обещаемом ими личном благе, а в силу непреоборимого внутреннего побуждения, Только тогда они действительно принадлежат к области нравственного и в сущности они одни заслуживают названия „нравственных“,

Все человеческие общества всегда старались с самых ранних времен, развивать склонность к такого рода поступкам. Воспитанье, народные песни, предания и этическая поэзия, искусства и религия работали в этом направлении. Такие поступки возводились в долг и „чувство долга“ всячески старались развивать. Но к

сожаленью, обещая за такие поступки награды в этой или же в загробной жизни, люди часто развращали себя и своих собратий. И только теперь начинает пробиваться мысль, что в обществе, где справедливость, т. е. равноправие будет признана основою общественной жизни, ни каких приманок для самопожертвования не потребуется. Мало того, само слово „самопожертвование“ уже неверно выражает сущность таких поступков, так как в большинстве случаев человек дает свои силы на службу всем, не спрашивая, что дадут ему взамен. Он поступает так, а не иначе, потому что таково требование его природы; потому что иначе он не может поступить, как тот павиан, который пошел спасать юнца от собак, никогда не слыхавший ни о религии, ни о Кантовском императиве и конечно без всяких утилитарных соображений.

„Чувство долга“—безспорно нравственная сила. Но оно должно бы выступать лишь в трудных случаях когда два естественных влеченья противоречат друг другу, и мы колеблемся как поступить. В громадном большинстве случаев, так называемые „самоотверженные“ люди обходятся без его напоминаний.

Чрезвычайно симпатичный, слишком рано умерший французский мыслитель Марк Гюйо, первый, если не ошибаюсь, вполне понял и об'яснил истинный характер того, что я называю

третьей составной частью нравственного. Он понял, что ее сущность ничто иное, как сознание человеком своей силы: избыток энергии, избыток сил, стремящийся выразится в действии.

Мы имеем, писал он, больше мыслей, чем нам нужно для нас самих и мы вынуждены бываем делиться ими с другими, потому что поступать иначе мы не можем.

Мы имеем больше слез или больше веселости, чем нам нужно самим, и мы не жалея даем их другим.

И наконец многие из нас имеют больше силы воли и больше энергии чем им нужно для личной жизни. Иногда этот избыток воли, руководимый мелким умом, порождает завоевателя; если же он руководится более широким умом и чувствами, развитыми в смысле общественности, то он дает иногда основателя новой религии или же нового общественного движенья которым совершается обновление общества.

Но во всех этих случаях нами руководит главным образом сознание своей силы и потребность дать ей приложение.

Притом, если чувство оправдывается разумом, оно уже не требует ни какой другой санкции, никакого одобрения свыше и никакого обязательства так

поступить, наложенного извне [1]). Оно само уже есть обязательство, потому что в данный момент человек не может действовать иначе. Чувствовать свою силу и возможность сделать что-нибудь другому, или людям вообще, и знать вместе с тем, что такое действие оправдывается разумом само по себе есть уже обязательство именно так поступить. Его мы и называем „долгом".

Конечно, раньше, чем поступить так или иначе,—продолжает Гюйо—в нас часто происходит борьба. Человек не представляет чего-нибудь цельного, отлитого в одном куске. Наоборот, в каждом из нас имеется сочетание нескольких индивидуальностей, нескольких характеров: и если наши влечения и наклонности находятся в разладе между собой и на каждом шагу противоречат друг другу, тогда жизнь становится невыносимой. Все, даже смерть, лучше постоянной раздвоенности и вечных столкновений, способных довести до безумия. Поэтому человек принимает то или другое решение, в ту или другую сторону.

Иногда бывает, что наша совесть и разум возмущаются против принятого решения, считая его нечестным, мелким, пошлым, и тогда человек нередко придумывает какой-нибудь софизм,

---

[1]) Гюйо: „Нравственность без обязательств и без санкции". Есть русский перевод Т-ва Знание. Петербург, 1899 г.

т. е. самообман для оправдания. Но в большинстве случаев, особенно у честных и сильных натур, софизм не помог бы. Требования внутреннего существа, хотя и безсознательные, берут верх. Тогда согласие между разумом и тем, что мы называем совестью, восстанавливается, и водворяется гармония, которая дает человеку возможность жить полною жизнью,—жизнью в громадной степени усиленной: полной, радостной жизнью, перед которой бледнеют возможные страдания....

Те, кто познал такую жизнь, те, кто жил ею, не променяют ее на жалкое прозябание,

Если человек приносит в таком случае то, что называют „жертвами", то в его глазах это вовсе не жертвы. Растенье должно цвести, писал Гюйо, хотя бы за цветеньем неизбежно следовала смерть. Точно также человек, чувствуя в себе избыток сочувствия с людским горем или же потребность умственной производительности или творческой способности, свободно отдает им свои силы, какие бы ни были потом последствия.

Обыкновенно такие поступки называются самопожертвованием, самоотречением, самоотверженностью, альтруизмом. Но все эти названия потому уже неверны, что человек, совершающий такие поступки, хотя они часто навлекают на него страдание физическое или даже нравственное,—не променял бы этих страданий на скот-

ское безучастие, а тем более на недостаток воли для выполнения того, что он считает нужным совершить.

Вот пример,—один из весьма многих.

Как то раз, живя на южном берегу Англии, в деревушке, где имелась станция Общества Спасания на водах, я беседовал с матросами береговой стражи (Coast guarde). Один из них рассказывал нам, как прошлой зимой они спасали экипаж маленького испанского судна, нагруженного апельсинами. Его выбросило на мелкое место, недалеко от деревушки, во время жестокой снеговой бури. Громадные волны перекатывались через суденышко, и его экипаж, состоявший из пяти мужчин и одного мальчика, привязав себя к реям, громко умолял о помощи. Между тем, на этом мелком побережье, спасательная лодка (мелководного типа) не могла выйти в море: волны выбрасывали ее назад на берег.

—„Так стояли мы все на берегу с утра и ничего не могли предпринять,—говорил рассказчик,—только вот, часов около трех—уже вечерело, дело было в феврале—до нас стали долетать отчаянные крики мальчика, привязавшего себя к мачте. Тут мы больше не могли вытерпеть. Те, кто раньше говорил, что сумасшествие идти, что мы никогда не выберемся в море, первые же стали говорить:—„Надо попробовать

еще раз". Мы опять спустили спасательную лодку, долго бились в бурунах и наконец вышли в море. Тут волны два раза опрокидывали лодку. Двое из нас утонули. Бедный Джо запутался в веревке у борта и тут у нас на глазах захлебывался в волнах.... Страшно было смотреть.... Наконец пришол большой вал и всех нас с лодкой выкинул на берег. Меня на другое утро нашли в снегу, за две версты отсюда. Испанцев спасла большая спасательная лодка из Денгеннэса"...

Или вы помните конечно о шахтерах долины Ронды, как они два дня пробивались сквозь обвал подземной галлереи, засыпанной взрывом, чтобы добраться до заваленных обвалом товарищей. Каждую минуту они ждали, что будут убиты повторявшимися взрывами или будут завалены новым обвалом.—„Взрывы продолжались, но мы слышали—сквозь обвал стук товарищей: они давали знать, что еще живы... И мы пробивались к ним".

Такова повесть всех истинно альтрупстических поступков, великих и малых. Человек, воспитанный со способностью отождествлять себя с окружающими, человек, чувствующий в себе силы своего сердца, ума, воли, свободно отдает их на помощь другим, не ища никакой уплаты в этой жизни или в неведомой другой. Он прежде всего способен понимать чувства других: он

сам переживает их. И этого довольно. Он разделяет с другими их радости и горе. Он помогает им переживать тяжелые времена их жизни. Он сознает свои силы и широко расходует свою способность любить других, вдохновлять их, вселять в них веру в лучшее будущее и зовет их на работу для будущего. Что бы его не постигло, он видит в этом не страданье, а выполнение стремлений своей жизни, полноту жизни, которую он не променяет на прозябанье слабых. И если на его долю выпадает страданье, он говорит, как Лермонтовский Мцыри:

. . . . . жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Безсильной старости твоей...

Даже теперь, когда крайний индивидуализм проповедуется словом и делом,—взаимная помощь продолжает составлять существеннейшую часть в жизни человечества. И от нас самих, а не от внешних сил, зависит давать ей все большее и большее значенье в жизни, не ввиде благотворительности, а ввиде естественного исхода развивающимся в нас общечеловеческим чувствам.

Подведем же теперь итоги и посмотрим, как нам представляется то, что называется нравственным чувством с развитой мною точки зрения.

Почти все писавшие о нравственности ста-

рались свести ее к какому-нибудь одному началу: к внушению свыше, к прирожденному природному чувству или же к разумно-понятой личной или общественной выгоде.

На деле же оказывается, что нравственность есть сложная система чувств и понятий, медленно развившихся и все далее развивающихся в человечестве. В ней надо различать по крайней мере три составные части: 1) инстинкт, т. е. унаследованную привычку, общительности; 2) понятие нашего разума— справедливость и, наконец, 3) чувство, ободряемое разумом, которое можно было бы назвать самоотвержением или самопожертвованием, если бы оно не достигало наиболее полного своего выражения именно тогда, когда в нем нет ни пожертвованья, ни самоотверженья, а проявляется высшее удовлетворение продуманных властных требований своей природы. Даже слово Великодушие не совсем верно выражает это чувство, так как слово „великодушие“ предполагает в человеке высокую самооценку своих поступков, тогда как именно такую оценку отвергает нравственный человек. И в этом истинная сила нравственного.

Люди все любили приписывать свои нравственные побужденья сверхестественному вдохновению, и перед этим искушением не устояло большинство мыслителей; тогда как другие, утили-

тариста, старались об'яснить нравственность развитием правильно понятой выгоды. Таким образом создались две противоречащие друг другу школы. Но те из нас, кто знает человеческую жизнь и освободился от церковных предразсудков поймут, как важны были и как важны до сих пор практика широко развитой взаимопомощи, здравые суждения о справедливости и наконец те бескорыстные порывы людей. наиболее сильных умом и сердцем, о которых так красноречиво писал Гюйо. И они поймут, что в этих трех основных чертах природы человека надо искать об'яснения нравственного.

Даже теперь, когда крайний индивидуализм т. е. правило „заботься прежде всего о себе самом", проповедуется словом и делом,—даже теперь взаимопомощь и безкорыстная отдача своих сил на служенье обществу составляет такую существенную часть жизни общества и его дальнейшего развития, что без них человечество не могло бы прожить даже несколько десятков лет. К сожалению эти мысли о сущности нравственности и ее развитии еще не нашли себе достаточного отзвука в умах современных деятелей науки. Гексли, который считался верным истолкователем Дарвина, пока занимался изложением „борьбы за существование" и ее значения в выработке новых видов, не последовал за своим великим учителем, когда Дарвин об'я-

снил нравственные понятия человека, как результат инстинкта (общественности), одинаково существующего среди животных и среди людей. Вместо того, чтобы дать естественно-научное об'яснение нравственности, этот некогда ярый естественник предпочел занять межеумочное положение между учениями Церкви и уроками Природы.

Герберт Спенсер, посвятивший свою жизнь выработке рациональной философии, построенной на теории развития, и много лет работавший над вопросом о нравственности, точно также не вполне пошел вслед за Дарвином в об'яснении нравственного инстинкта. После запоздалого признания взаимной помощи среди животных (только в июне 1888 года в журнале Nineteenth Century) и после признания, что у некоторых из них есть зачатки нравственного чувства (в приложении к основам Этики) Спенсер тем не менее остался сторонником Гоббса, отрицавшего существование нравственного чувства у первобытных людей, „пока они не заключили общественного договора“ и не подчинились не известно откуда взявшимся мудрым законодателям. И если Спенсер, в последние годы своей жизни, начал делать некоторые уступки, то все-таки для него, как и для Гексли, первобытный человек был драчливым животным, которое только медленно было приведено принужде-

нием, законом и отчасти эгоистическими соображениями к тому, что оно приобрело наконец некоторое понятие о нравственном отношении к своим собратиям.

Но науке давно пора уже выйти из своего фаустовского кабинета, куда свет природы проникает только сквозь тусклые цветные стекла.

Пора ученым ознакомиться с природой не из своих пыльных книжных шкафов, а в вольных равнинах и горах, при полном свете солнечного дня, как это делали в начале 19-го века великие основатели научной зоологии, в приволье незаселенных степей Америки, и основатели истинной антропологии, живя вместе с первобытными племенами, не с целью обращенья их в свою веру, а с целью ознакомленья с их нравами и обычаями и с их нравственным обликом.

Тогда они увидят, что нравственное вовсе не чуждо природе. Увидав, как во всем животном мире мать рискует жизнью, чтобы защищать своих детей; увидав, как сами стадные животные дружно отбиваются от хищников, как они собираются в громадные стада для перекочевок и как первобытные дикари воспринимают от животных уроки нравственного,—наши ученые поняли бы, откуда происходит то, чем так кичатся наши духовные учители, считающие себя ставленниками божества. И вместо того, чтобы повторять, что „природа безнравственна“, они поняли бы, что

каковы бы ни были их понятия о добре и зле, эти понятия ничто иное, как выражение того, что им дала сперва природа, а затем медленный процесс развития человечества.

Высочайший нравственный идеал, до которого поднимались наши лучшие люди есть ничто иное, как то, что мы иногда наблюдаем уже в животном мире, в первобытном дикаре и в цивилизованном обществе наших дней, когда они отдают свою жизнь для защиты своих и для счастья грядущих поколений. Выше этого никто не поднимался и не может подняться.

